

Научная статья

УДК 159.9.072.5

DOI: 10.47475/2409-4102-2026-34-2-50-59

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БЕДНОСТИ: РАЗРАБОТКА И ВАЛИДИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ В РОССИЙСКО-УЗБЕКСКОМ КОНТЕКСТЕ ШКАЛЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ БЕДНОСТИ (ТРУШИНА, ЗАБЕЛИНА, 2026)

**Ирина Александровна Трушина^{1✉}, Екатерина Вячеславовна Забелина²,
Фируза Ботуровна Нарзикулова³, Дилбар Гафурджановна Мухамедова⁴,
Санжар Ботурович Рахиммирзаев⁵**

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, trushina_ia@mail.ru, 0000-0002-2071-6466

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, 0000-0002-5001-5927

³ Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан, 0009-0008-7809-2888

⁴ Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан, 0009-0000-9721-0263

⁵ Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан, 0009-0009-0151-2175

Аннотация. Бедность — это многомерный конструкт, охватывающий не только экономические, но и социально-психологические аспекты. Несмотря на то, что проблема бедности актуальна для многих стран, препятствием к ее изучению может стать дефицит валидных инструментов, раскрывающих ее психологические причины и позволяющих проводить масштабные кросс-культурные исследования. Цель настоящего исследования — разработать экспресс-опросник для изучения рационализации бедности, а также провести его психометрическую проверку на российской и узбекской выборках. Всего в исследовании приняло участие 643 респондента, из них 539 человек из России (37,1 % мужчины, 52,1 % состоят в браке, средний возраст 31,1 года) и 104 человека из Узбекистана (7,7 % мужчины, 47,1 % состоят в браке, средний возраст 28,5 года). Для оценки конвергентной валидности разработанной шкалы применялись методики: Новая шкала монетарного поведения (Фенем и Гровер), Шкала диспозиционной жадности (Сеунтдженс и др.), Экспресс-опросник долгового поведения (Гагарина, Падун), Шкала оценки самоконтроля (Веласкес и др.). Итоговая шкала рационализации бедности состояла из пяти пунктов, подтвердивших факторную валидность ($CFI = ,935$; $GFI = ,981$ для России; $CFI = ,978$; $GFI = ,979$ для Узбекистана) и надежность (α Кронбаха = $,667$ и $,666$ соответственно). В обеих выборках зафиксированы связи рационализации бедности с отношением к деньгам и к долгу (осуждение должников), для российской выборки дополнительно — связи с самоконтролем и жадностью. Исследование развивает методическую базу в рамках социальной и экономической психологии, предлагая лаконичный психодиагностический инструмент для исследования рационализации бедности.

Ключевые слова: отношение к бедности, рационализация бедности, аттитюды к бедности, шкала рационализации бедности

Для цитирования: Трушина И. А., Забелина Е. В., Нарзикулова Ф. Б., Мухамедова Д. Г., Рахиммирзаев С. Б. Рационализация бедности: разработка и валидизация методики в российско-узбекском контексте шкалы рационализации бедности (Трушина, Забелина, 2026) // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2026. № 2 (34). С. 50–59. DOI: 10.47475/2409-4102-2026-34-2-50-59

Original article

RATIONALIZATION OF POVERTY: DEVELOPMENT AND VALIDATION OF METHODOLOGY IN THE RUSSIAN-UZBEK CONTEXT POVERTY RATIONALIZATION SCALE (TRUSHINA, ZABELINA, 2026)

Irina A. Trushina^{1✉}, Ekaterina V. Zabelina², Firuza B. Narzikulova³, Dilbar G. Mukhamedova⁴, Sanzhar B. Rakhimmirzaev⁵

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, trushina_ia@mail.ru, 0000-0002-2071-6466

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 0000-0002-5001-5927

³ Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan, 0009-0008-7809-2888

⁴ National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbeg, Tashkent, Uzbekistan, 0009-0000-9721-0263

⁵ National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbeg, Tashkent, Uzbekistan, 0009-0009-0151-2175

Abstract. Poverty is a multidimensional construct that encompasses not only economic, but also socio-psychological aspects. Despite the fact that the problem of poverty is relevant for many countries, the lack of valid tools that reveal its psychological causes and allow for large-scale cross-cultural research may become an obstacle to its study. The purpose of this study is to develop an express questionnaire to study the rationalization of poverty, as well as to conduct its psychometric verification on Russian and Uzbek samples. A total of 643 respondents participated in the study, including 539 people from Russia (37,1 % men, 52,1 % married, average age 31.1 years) and 104 people from Uzbekistan (7,7 % men, 47,1 % married, average age 28,5 years). To assess the convergent validity of the developed scale, the following methods were used: a new scale of monetary behavior (Fenem and Grover), a Scale of dispositional greed (Seuntjens et al.), an Express questionnaire of debt behavior (Gagarina, Padun), a scale for assessing self-control (Velasquez et al.). The final scale of poverty rationalization consisted of five items that confirmed factor validity (CFI = ,935; GFI = ,981 for Russia; CFI = ,978; GFI = ,979 for Uzbekistan) and reliability (Cronbach's α = ,667 and ,666, respectively). In both samples, the rationalization of poverty was associated with attitudes towards money and debt (condemnation of debtors), and for the Russian sample, there were additional links with self-control and greed. The study develops a methodological framework within the framework of social and economic psychology, offering a concise psychodiagnostic tool for studying the rationalization of poverty.

Keywords: attitude to poverty, rationalization of poverty, attitudes to poverty, scale of poverty rationalization

For citation: Trushina IA, Zabelina EV, Narzikulova FB, Mukhamedova DG, Rakhimmirzaev SB. Rationalization of Poverty: Development and Validation of Methodology in the Russian-Uzbek Context of Poverty Rationalization Scale (Trushina, Zabelina, 2026). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2026;(2(34):50-59. DOI: 10.47475/2409-4102-2026-34-2-50-59. (In Russ.).

Введение. Бедность — это многомерный конструкт, охватывающий не только экономические, но и социально-психологические аспекты [16]. Для изучения предлагаются различные измерения бедности, например, денежная бедность, социальная изоляция и бедность возможностей (способностей) [13].

Несмотря на то что проблема бедности актуальна для многих стран [1], препятствием к ее изучению может стать многозначность определений бедности, дефицит валидных инструментов, позволяющих проводить сравнительные кросс-культурные исследования и раскрывающих взаимосвязь бедности с различными личностными характеристиками, а также ее психологические причины [3]. Данная проблема актуальна и для российской социальной психологии, испытывающей потребность в компактных надежных психодиагностических методиках, раскрывающих различные аспекты отношения к бедности.

Исследования демонстрируют различия в отношении к бедности в зависимости от индивидуальных и культурных факторов. Так, существуют сведения о различном отношении к бедным и атрибуции бедности у людей разного возраста и политических убеждений [11], социального статуса и личных достижений [17], религиозности и идеологии [10]. В то же время еще мало известно о том, как глубинные когнитивные установки относительно бедности, построенные по принципу рационализации (защитного механизма психики), связаны с личными финансовыми показателями людей в разных культурах. Этот дефицит обусловил цель настоящего исследования — разработать экспресс-опросник для изучения рационализации бедности, а также провести его психометрическую проверку на российской и узбекской выборках.

В мировой психологической науке представлено несколько методик для изучения различных

аспектов бедности. Наиболее известные шкалы включают: Аттитуды к бедности (АТР) (S. H. Yun, R. Weaver), Шкалу системной и индивидуальной ответственности за бедность (R. Shor, Jenna M. Calton, Lauren B. Cattaneo), Опросник объяснения (атрибуции) бедности (PAS) (R. Bennett, L. Raiz, T. Davis), Студенческий опросник восприятия бедности (UPPTS) (Kevin D. Blair, Marlo Brown, Todd N. Schoepflin, David B. Taylor), Шкалу осведомленности (осознания) о бедности (Shlomit Weiss-Dagan, M. Krumer-Nevo) и другие.

Основная часть существующих методик направлена на диагностику объяснения причин, или атрибуции, бедности. При этом наиболее распространенными объяснениями являются следующие: 1) индивидуальные характеристики и личные решения (например, лень или безответственность), 2) внешние (структурные) условия (например, безработица) и 3) фаталистические причины (например, болезнь) [20]. Второе и третье измерения (внешние и фаталистические причины) в некоторых вариантах сближаются до объединения в единый фактор, а в некоторых индивидуалистические и структурные причины рассматриваются как полюсы одного континуума [7]. Предлагается еще одно измерение атрибуции бедности — культура, под которой понимаются особенности окружения и поведенческие привычки, «передающиеся по наследству» (например, распад нуклеарной семьи, посещение неблагополучных школ, рождение в бедности, злоупотребление алкоголем и наркотиками и др.) [10], что в широком смысле также относится к внешним причинам.

Менее распространены методики, анализирующие отношение к бедности и к бедным более широко, включая, помимо атрибутивных характеристик, такие показатели, как стигматизация бедности [20], понимание и сопереживание тем, кто живет в нищете (социальная эмпатия или когнитивное дистанцирование), приверженность борьбе с бедностью посредством прямых действий или поддержки программ/услуг для бедных [8], осведомленность о реляционно-символических аспектах бедности (осознание инаковости бедных, эмоциональные реакции, знания о бедных, сопротивляемость) [19].

При диагностике такого широкого круга конструктов, измеряющих отношение к бедности, упускается из виду тот факт, что тема бедности является неудобной и даже табуированной во многих культурах. Людям сложно признать существо-

вание бедных людей рядом с ними и еще сложнее отнести себя к ним. Существующие стереотипы отношения к бедности, включая страх перед ней и веру в то, что кто-то решит проблему, встроены в структуру образа мира [5]. Именно поэтому в индивидуальные объяснения бедности могут включаться защитные психологические механизмы, такие как рационализация. В общем смысле под рационализацией понимается защитный механизм, при котором индивиды оправдывают существование феномена бедности и свое низкое финансовое положение внешними факторами («богатство и бедность предопределены судьбой», «богатые нечестны»), минимизируя личную ответственность и сохраняя самооценку. Это проявляется через когнитивные искажения, такие как девальвация успеха других («бедные беднеют, богатые богатеют») или самообман («бедные счастливее богатых») для снижения фрустрации. Социальная среда, в которой бедность считается нормой, а изобилие кажется чем-то фантастическим или даже постыдным, укрепляет эти когнитивные искажения [14]. Однако для диагностики этого аспекта отношения к бедности не было обнаружено релевантных методик.

Когнитивные стратегии носителей психологии бедности смягчают эмоциональный дискомфорт, поддерживая позитивное самоотношение через девальвацию неудач и фатализм («такова жизнь»). Для сохранения мировоззрения они заменяют рефлексию иррациональными установками и культурными стереотипами «достоинств» бедности. Сохранению иррациональных утверждений способствует то, что, с одной стороны, бедность большинством рассматривается как зло, порожденное несправедливостью, а с другой — как добродетель [6].

Ограничением в этой области исследований является также тот факт, что подавляющая часть исследований отношения к бедности проведена на ограниченной по возрастному составу и социальному опыту студенческой выборке [8] или географии исследования [9; 15].

Для частичного преодоления существующих ограничений психодиагностического инструментария, связанного с изучением восприятия и объяснения бедности, в рамках данного исследования предпринята попытка разработать шкалу рационализации бедности, предполагающую изучение глубинных личностных установок, не позволяющих осуждать бедность и предпринимать

попытки изменения личной финансовой ситуации.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось одновременно в двух странах — России и Узбекистане — на русском языке в апреле – мае 2024 г. Для сбора данных был создан онлайн-опрос, который был размещен на сервисе «Толока» для российских респондентов и распространялся методом «снежного кома» в Узбекистане. Всего в исследовании приняло участие 643 респондента, из них 539 человек из России (37,1 % мужчины, 52,1 % состоят в браке, средний возраст — 31,1 года) и 104 человека из Узбекистана (7,7 % — мужчины, 47,1 % состоят в браке, средний возраст — 28,5 года).

Для сбора социально-демографических переменных применялись вопросы, фиксирующие пол, возраст, уровень образования, семейный и рабочий статус респондентов, а также уровень религиозности и дохода. Объективный уровень дохода устанавливался с помощью вопроса: «Скажите, какой ответ в большей степени соответствует Вашему материальному положению?» 1. Не хватает денег на еду; 2. Хватает денег на еду, но есть проблемы с покупкой одежды; 3. Хватает денег на еду и одежду, но не хватает на покупку мебели и бытовой техники; 4. Могу без проблем купить мебель и бытовую технику, но не могу купить автомобиль без длительных накоплений; 5. Могу купить автомобиль, но не могу купить квартиру или дачу; 6. Без проблем могу купить квартиру или дачу.

Для диагностики монетарных аттитюдов применялась «Новая шкала монетарного поведения» [4] (A new money behavior quizby). Опросник состоит из 12 утверждений и измеряет четыре типа отношения к деньгам: «Финансовая одержимость» — финансовое поведение, направленное на постоянный контроль за своим финансовым положением и состоянием рынка, а также поиск выгодных финансовых сделок; «Значимость денег для уважения в обществе», описывающая убеждения о том, что деньги являются индикатором успеха и способствуют получению уважения и принятия другими людьми; «Использование денег как инструмента влияния» описывает действия, направленные на оказание влияния на других людей с помощью денег; «Финансовая тревожность», описывающие беспокойство по поводу денег и неготовность принимать решения [4; 2].

Отношение к долгу измерялось с помощью Экспресс-опросника долгового поведения (М. А. Гагариной и М. А. Падун). Шкала состоит из 14 утверждений, позволяющих оценить готовность к заимствованию, одалживанию денег другим и исполнению долговых обязательств через самооценку убеждений и действий. Опросник включает в себя три шкалы: «долговая рациональность», «избегание долгов» и «осуждение должников» [2].

«Шкала диспозиционной жадности» (Сеунтдженс и др.) применялась для диагностики жадности как устойчивой черты личности — ненасытного, эгоистичного желания большего по отношению к любым объектам (материальным или нематериальным), независимо от средств и ситуации. Шкала состоит из шести пунктов [12], итоговый показатель фиксирует выраженность жадности.

Шкала оценки самоконтроля (Веласкес и др.) [18; 10] применялась для оценки уровня самоконтроля. Шкала состоит из 10 пунктов, позволяющих оценить воспринимаемый индивидом самоконтроль и дисциплину. Высокие баллы указывают на сильный самоконтроль, склонность сознательно выбирать действия вместо импульсов.

Разработка опросника происходила в несколько этапов. На первом этапе экспертами в области экономической психологии были сформулированы утверждения, рационализирующие явление бедности. Экспертам предлагалось ответить на вопрос: «Какими фразами можно охарактеризовать рационализацию бедности в обществе, ее приукрашивание и оправдание, а также обесценивание богатства? Сформулируйте в виде когнитивных убеждений». Далее эти утверждения были оценены другими экспертами-психологами по уровню релевантности к предмету исследования (рационализация бедности), а также лингвистами на предмет понятности формулировок. Дублирующие формулировки были исключены. В итоге было отобрано 8 утверждений для включения в опрос. На втором этапе была проведена проверка структурной валидности и надежности по внутренней согласованности. На третьем этапе проверялась внешняя и дискриминантная валидность (валидность внешних групп). В заключение рассчитывались описательные статистики для каждой культурной выборки.

Результаты исследования и их обсуждение. На первом этапе для установления структурной валидности выполнялся факторный анализ

методом максимального правдоподобия последовательно: сначала для российской, затем для узбекской выборки. Однако сначала мы убедились в том, что полученные данные удовлетворяют требованиям факторизации. Тест сферичности Бартлетта показал статистическую значимость как на российской ($\chi^2 = 726,898$; $df = 28$; $p < ,001$), так и на узбекской выборке ($\chi^2 = 117,603$; $df = 28$; $p < ,001$), что указывает на наличие корреляций между переменными, достаточных для проведения факторного анализа. Значение КМО меры адекватности выборки составило 0,766 для России и 0,681 для Узбекистана, что соответствует уровню пригодности данных. На основании анализа каменистой осыпи и собственных значений обнаружено, что все утверждения образовали один фактор, объясняющий 25,6 % дисперсии в России и 22,56 % в Узбекистане (табл. 1).

Несмотря на то что все утверждения вошли в один фактор, пункты 4 и 6 показали малый вес для полноценного включения в фактор. Пункт 5, напротив, показал наибольший вес и по смыслу отличался от остальных (делал акцент на богатстве, а не на бедности). Вследствие этого было

принято решение провести повторную факторизацию при исключении данных пунктов (табл. 2).

Факторизация в этом варианте показала более высокие индексы пригодности и более высокий процент дисперсии (29,09 %). Факторные нагрузки распределились более равномерно с не очень высокими, но допустимыми значениями. Надежность по внутренней согласованности этого варианта шкалы можно признать приемлемой (α Кронбаха = ,667).

Далее аналогично был проведен факторный анализ утверждений на выборке Узбекистана. Первоначальная факторизация утверждений шкалы на узбекской выборке показала результаты, схожие с российскими (табл. 3).

Факторный анализ объединил все утверждения в единый фактор, однако пункты 4, 5 и 6 не набрали достаточного веса для включения в фактор. Также стоит отметить, что пункты 2 и 8, характеризующие нормативное количество богатых людей в обществе, являются доминирующими по весу, в отличие от российской выборки, где распределение более равномерное. При удалении пунктов 4, 5 и 6 из факторного анализа структура

Таблица 1
Table 1

Результаты факторного анализа утверждений методики (Россия) — начальный вариант
Results of factor analysis of the method statements (Russia) — initial version

	Факторный анализ
	1
1. Богатство и бедность — это то, что предопределено судьбой	,549
2. Для устойчивости общества необходимо, чтобы процент богатых был небольшим	,555
3. Бедные люди счастливее богатых	,567
4. Бедность — не порок	,252
5. Богатые люди нечестные	,631
6. Счастье и богатство — несвязанные вещи	,412
7. Бедные беднеют, богатые богатеют	,482
8. Все не могут быть богатыми — это удел единиц	,504

Таблица 2
Table 2

Результаты факторного анализа утверждений методики (Россия) — итоговый вариант
Results of the factor analysis of the method statements (Russia) — final version

	Факторный анализ
	1
1. Богатство и бедность — это то, что предопределено судьбой	,553
2. Для устойчивости общества необходимо, чтобы процент богатых был небольшим	,592
3. Бедные люди счастливее богатых	,439
7. Бедные беднеют, богатые богатеют	,517
8. Все не могут быть богатыми — это удел единиц	,581

показала некоторое улучшение, а процент объяснимой дисперсии повысился до 29,9 % (табл. 4).

Надежность по внутренней согласованности этого варианта шкалы также можно признать приемлемой (α Кронбаха = ,666), что практически в точности повторяет результат на российской выборке. Результаты конфирматорного факторного анализа показали удовлетворительные результаты по следующим индексам: CFI = ,935; GFI = ,981 (для России) и CFI = ,978; GFI = ,979 (для Узбекистана).

Далее, для установления внешней валидности, был проведен корреляционный анализ с сопоставимыми показателями: монетарными и долговыми аттитюдами, диспозиционной жадностью, самоконтролем (табл. 5), а также с социально-демографическими характеристиками.

Результаты корреляционного анализа демонстрируют объяснимые связи со всеми диагностируемыми переменными на выборке в России и с частью — в Узбекистане. Так, в обеих выборках зафиксированы связи рационализации

Таблица 3

Table 3

Результаты факторного анализа утверждений методики (Узбекистан) — начальный вариант
Results of factor analysis of the statements of the methodology (Uzbekistan) — initial version

	Факторный анализ
	1
1. Богатство и бедность – это то, что предопределено судьбой	,565
2. Для устойчивости общества необходимо, чтобы процент богатых был небольшим	,613
3. Бедные люди счастливее богатых	,423
4. Бедность не порок	,088
5. Богатые люди нечестные	,402
6. Счастье и богатство – несвязанные вещи	,409
7. Бедные беднеют, богатые богатеют	,442
8. Все не могут быть богатыми, это удел единиц	,631

Таблица 4

Table 4

Результаты факторного анализа утверждений методики (Узбекистан) — итоговый вариант
Results of factor analysis of the statements of the methodology (Uzbekistan) — final version

	Факторный анализ
	1
1. Богатство и бедность — это то, что предопределено судьбой	,587
2. Для устойчивости общества необходимо, чтобы процент богатых был небольшим	,648
3. Бедные люди счастливее богатых	,422
7. Бедные беднеют, богатые богатеют	,414
8. Все не могут быть богатыми, это удел единиц	,615

Таблица 5

Table 5

Результаты корреляционного анализа шкалы рационализации бедности и связанных показателей
Results of the correlation analysis of the Poverty Rationalization Scale and related indicators

Показатели методик	Рационализация бедности	
	Россия	Узбекистан
Финансовая одержимость	,186**	0,074
Значимость денег для уважения в обществе	,384**	,293**
Деньги как инструмент влияния	,390**	,329**
Финансовая тревожность	,235**	,309**
Жадность	,326**	0,134
Осуждение должников	,336**	,223*
Самоконтроль	–,126**	–0,108

бедности с отношением к деньгам: более высокий уровень рационализации наблюдается у респондентов, для которых деньги являются важным символом уважения в обществе и инструментом влияния на других людей, а также у тех, кто более склонен тревожиться и переживать из-за денег. Люди, склонные в большей степени рационализировать бедность, более склонны осуждать должников. Кроме того, на российской выборке обнаружена прямая связь рационализации бедности и жадности как черты личности, финансовой одержимости, а также обратная связь с самоконтролем. Респонденты с низким уровнем самоконтроля и высоким уровнем жадности более склонны к приукрашиванию и оправданию бедности.

Рационализация бедности коррелировала с возрастом на российской выборке ($r = ,129^{**}$): чем старше респондент, тем большую склонность к рационализации он демонстрирует. Также оказалось, что мужчины в большей степени проявляют рационализацию бедности, чем женщины (на российской выборке).

Далее мы сравнили выраженность рационализации бедности у респондентов с различным уровнем дохода, оцениваемым объективно. Результаты выявили различия на российской выборке ($p = ,011$) и различия на уровне тенденции — в Узбекистане ($p = ,098$). Среди россиян наибольшую рационализацию бедности демонстрируют люди с очень низким и очень высоким уровнями доходов, среди узбеков наиболее склонны к рационализации респонденты со средним уровнем дохода, наименее — с очень высоким уровнем дохода.

Наконец, анализ описательной статистики показывает, что средние значения рационализации бедности значимо не отличаются у россиян ($M = 3,0$; $SD = ,88$) и узбеков ($M = 2,78$; $SD = ,99$), хотя у последних среднее значение чуть ниже.

Выводы. В результате исследования была сконструирована Шкала рационализации бедности, которая показала единую структуру и приемлемые уровни валидности и надежности как на российской, так и на узбекской выборках. Данный опросник представляет собой психометрический инструмент для диагностики рационализации бедности — убежденности в том, что бедность является нормальным общественным явлением, склонности к приукрашиванию и оправданию бедности, а также обесцениванию богатства. Это измерение бедности отличает разработанную шкалу от других имеющихся опросников, диагно-

стирующих в большей части атрибуцию причин бедности [20; 10].

Получены данные, подтверждающие специфику рационализации как защитного механизма. Это демонстрируется усилением рационализации при повышении ценности денег, увеличении жадности и осуждения должников, а также при уменьшении самоконтроля. Получается, что люди, стремящиеся всеми силами к увеличению материального благосостояния и не готовые долго ждать вознаграждения, скрывают это (даже от себя) за оправданием бедности и обесцениванием богатства. Таким образом, исследование служит подтверждением теории защитных механизмов, разрабатываемой в психоанализе.

Выявленные вариативные связи рационализации бедности с психологическими (например, жадность) и социально-демографическими переменными (например, возраст) в двух культурных выборках позволяют предполагать чувствительность опросника к культурному контексту. С другой стороны, отсутствие значимых различий в итоговом показателе позволяет предполагать универсальность механизма рационализации в отношении бедности. Для более детального изучения культурных различий рационализации бедности необходимо расширить выборку исследования, включив в нее представителей других стран с различным уровнем экономического развития.

Тот факт, что среди россиян наибольшую степень рационализации бедности демонстрируют люди с очень низким и очень высоким уровнями доходов, находит частичное подтверждение в предыдущих исследованиях. Поскольку выраженная рационализация бедности соотносится с внешней атрибуцией ее причин, это согласуется с исследованиями на американской выборке о том, что люди с низким уровнем дохода, получающие государственную помощь, с большей вероятностью считают, что причиной бедности являются внешние факторы, а не личные решения [11]. В то же время в другом исследовании [16] показано, что лица с высокими доходами преимущественно приписывают бедность структурным факторам, указывая на внешние обстоятельства как основную причину. Это противоречие, возможно, объясняется культурными особенностями и нуждается в дополнительных исследованиях. В рамках данного исследования для группы с очень низким уровнем дохода такой высо-

кий уровень рационализации бедности может объясняться нормой собственной жизни и неготовностью предпринимать действия для повышения своего материального уровня. Для респондентов с очень высоким уровнем дохода рационализация бедности может выступать защитным механизмом, позволяющим отстраниться от этой социальной проблемы.

Заключение. Исследование развивает методическую базу в рамках социальной и экономиче-

ской психологии, предлагая лаконичный психодиагностический инструмент для исследования рационализации бедности. В дальнейшем рекомендуется апробация шкалы на выборках стран с разным уровнем экономического развития. Еще одним направлением будущих исследований может стать определение роли рационализации бедности в материальном благополучии людей с учетом других психологических и социально-демографических переменных.

Список источников

1. Белопашенцева П. В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-i-subektivnaya-bednost-v-rossii-cto-prinesli-poslednie-20-let> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Гагарина М. А. Экспресс-опросник долгового поведения: разработка и валидизация // Психологические исследования. 2021. Т. 14, № 78. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Ефремова М. В. Основные подходы к изучению феномена бедности в зарубежных психологических исследованиях // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 3. С. 91–101. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n3/72761 (дата обращения: 15.02.2026).
4. Нестик Т. Валидизация русскоязычной версии «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема, С. Гровера (ШМП) // Психологические исследования. 2022. Т. 15, № 85–86. С. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1272> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Шаповал И. А. Созависимость в культуре бедности // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 1. С. 36–50.
6. Шаповал И. А. Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6, № 4. С. 207–218. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n4/72973.shtml (дата обращения: 17.02.2026).
7. Atherton C. R. University student's attitudes toward poverty // Journal of Social Work Education. 1993. Vol. 29, no. 1. P. 54–63. DOI: 10.1080/10437797.1993.10778798
8. Blair K. D. Validation of a Tool to Assess and Track Undergraduate Attitudes Toward Those Living in Poverty // Journal of Social Work Education. 2014. Vol. 50, no. 3. P. 468–486. DOI: 10.1080/10437797.2014.917899
9. Bonga W. G. Poverty Alleviation Strategies in Sub-Saharan Africa: Insights from Theories of Poverty // Quest Journals Journal of Research in Humanities and Social Science. 2024. Vol. 12, no. 2. P. 44–49. URL: <https://ssrn.com/abstract=4728131> [Accessed 17 February 2026].
10. Cozzarelli C. Attitudes toward the poor and attributions for poverty // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57, no. 2. P. 207–227. DOI: 10.1111/0022-4537.00209
11. Ekins E. E. What Americans Think About Poverty, Wealth, and Work // The Cato 2019 Welfare, Wealth, and Work National Survey. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3490898> [Accessed 17 February 2026].
12. Krekels G., Pandelaere M. Dispositional greed // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 74. P. 225–230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036
13. Kwadzo M. Choosing Concepts and Measurements of Poverty: A Comparison of Three Major Poverty Approaches // Journal of Poverty. 2015. Vol. 19, no. 4. P. 409–427. DOI: 10.1080/10875549.2015.1015067
14. Lewis O. The culture of poverty // Scientific American. 1966. Vol. 215, no. 4. P. 19–25.
15. Molotsky A. The Psychology of Poverty: Evidence from the Field // Journal of African Economies. 2021. Vol. 30, no. 3. P. 207–224. DOI: 10.1093/jae/ejaa010.
16. Norcia M. How does poverty work? Representations and causal attributions for poverty and wealth // Revista de Psicologia Social. 2011. Vol. 26, no. 3. P. 353–363.
17. Smith K. B. I made It Because of Me: Beliefs About the Causes of Wealth and Poverty // Sociological Spectrum. 1985. Vol. 5, no. 3. P. 255–267. DOI: 10.1080/02732173.1985.9981756

18. Velasquez M. M. Changing behavior using the Transtheoretical Model: Applications to health promotion and disease management. New York: Guilford Press, 2016. 284 p. URL: <https://www.guilford.com/> [Accessed 17 February 2026].
19. Weiss-Dagan S. Poverty Awareness: Development and Validation of a New Scale for Examining Attitudes regarding the Aetiology and Relational–Symbolic Aspects of Poverty // *The British Journal of Social Work*. 2021. Vol. 51, no. 7. P. 2630–2649. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa077
20. Yun S. H. Development and Validation of a Short Form of the Attitude Toward Poverty Scale // *Advances in Social Work*. 2010. Vol. 11, no. 2. P. 174–187. DOI: 10.18060/677

References

1. Belopashentseva PV. Objective and subjective poverty in Russia: what the last 20 years have brought. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2024;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnaya-i-subektivnaya-bednost-v-rossii-chto-prinesli-poslednie-20-let> [Accessed 17 February 2026]. (In Russ.).
2. Gagarina MA. Express questionnaire of the big government: development and validation. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. 2021;14(78):3. Available from: <http://psystudy.ru> [Accessed 17 February 2026]. (In Russ.).
3. Efremova MV. Basic approaches to the study of the phenomenon of poverty in foreign psychological research. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern Foreign Psychology]. 2014;3(3):91-101. Available from: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n3/72761 [Accessed 17 February 2026]. (In Russ.).
4. Nestik T. Validation of the Russian-language version of the «New Scale of Monetary Behavior» by A Fernham, S Grover (CMP). *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. 2022;15(85-86):2. DOI: 10.54359/PS.v15i85.1272 (In Russ.).
5. Shapoval IA. Codependency in the culture of poverty. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan]. 2009;(1):36-50. (In Russ.).
6. Shapoval IA. Subjective quality of life in the psychology of poverty. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2014;6(4):207-218. DOI: 10.17759/psyedu.2014060418 (In Russ.).
7. Atherton KR. The attitude of university students to poverty. *Journal of Social Work Education*. 1993;29(1):54-63. DOI: 10.1080/10437797.1993.10778798
8. Blair KD. Validation of a tool for assessing and tracking students' attitudes towards those living in poverty. *Journal of Social Work Education*. 2014;50(3):468-486. DOI: 10.1080/10437797.2014.917899
9. Bonga UG. Strategies to combat poverty in sub-Saharan Africa: conclusions from poverty theories. *Quest Journals Journal of Research in Humanities and Social Science*. 2024;12(2):44-49. Available from: <https://ssrn.com/abstract=4728131> [Accessed 17 February 2026].
10. Cosarelli K. Attitude to the poor and the causes of poverty. *Journal of Social Problems*. 2001;57(2):207-227. DOI: 10.1111/0022-4537.00209
11. Ekins EE. That Americans thinking about poverty, wealth and work. *National Welfare, Wealth and Work Study Cato 2019*. 2019. Available from: <https://ssrn.com/abstract=3490898> [Accessed 17 February 2026].
12. Krekels G. Dispositional greed. *Personality and individual differences*. 2015;74:225-230. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.036
13. Kvadzo M. Choice of concepts and measurements of poverty: a comparison of three main approaches to poverty assessment. *Journal of Poverty*. 2015;19(4):409-427. DOI: 10.1080/10875549.2015.1015067
14. Lewis O. Culture of poverty. *Scientific American*. 1966;215(4):19-25.
15. Molotsky A. Psychology of poverty: data from the field. *Journal of African Economics*. 2021;30(3):207-224. DOI: 10.1093/jae/ejaa010
16. Norcia M. How does poverty work? Representations and causal relationships of poverty and wealth. *Review of Social Psychology*. 2011;26(3):353-363.
17. Smith KB. I achieved this thanks to myself: beliefs about the causes of wealth and poverty. *Sociological spectrum*. 1985;5(3):255-267. DOI: 10.1080/02732173.1985.9981756

18. Velasquez MM. Behavior change using a transtheoretical model: applications for health promotion and disease treatment. New York: Guilford Press, 2016. 284 p. URL: <https://www.guilford.com> [Accessed 17 February 2026].

19. Weiss-Dagan S. Awareness of poverty: development and testing of a new scale for studying attitudes to the etiology and symbolic aspects of poverty. *British Journal of Social Work*. 2021;51(7):2630-2649. DOI: 10.1093/bjsw/bcaa077

20. Yun SH. Development and validation of a short form of attitude to the scale of poverty. *Achievements in social work*. 2010;11(2):174-187. DOI: 10.18060/677

Приложение

Шкала рационализации бедности

Инструкция. Ниже приведены утверждения относительно богатства и бедности. Укажите, в какой степени вы согласны с ними (1 — совершенно не согласен, 5 — совершенно согласен). Обведите соответствующую цифру.

Утверждения	Баллы
1. Богатство и бедность — это то, что предопределено судьбой	1 2 3 4 5
2. Для устойчивости общества необходимо, чтобы процент богатых был небольшим	1 2 3 4 5
3. Бедные люди счастливее богатых	1 2 3 4 5
4. Бедные беднеют, богатые богатеют	1 2 3 4 5
5. Все не могут быть богатыми — это удел единиц	1 2 3 4 5

Примечание. Индекс рационализации бедности рассчитывается как среднее значение для всех утверждений.

Информация об авторах

И. А. Трушина — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии.

Е. В. Забелина — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

Ф. Б. Нарзикулова — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

Д. Г. Мухамедова — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии.

С. Б. Рахиммирзаев — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Information about the authors

I. A. Trushina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology.

E. V. Zabelina — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology.

F. B. Narzikulova — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology.

D. G. Mukhamedova — Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Psychology.

S. B. Rakhimmirzaev — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology.

*Статья поступила в редакцию 15.02.2026;
принята к публикации 21.04.2026.*

*The article was submitted 15.02.2026;
accepted for publication 21.04.2026.*

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.